

Портрет Джалыла Мамедкулизаде, который будет установлен на родине писателя. Работа скульптора Мирали Мирасимов.

БЕССТРАШНЫЕ ПРАВДЫ

В ПОРЯДКЕ моей работы над спектаклем Азербайджанского драматического театра имени Азизбекова «Мертвецы» я особенно внимательно читал в творчестве Джалыла Мамедкулизаде. Передо мной открывались подлинно сокровища ума его создателя, необычайная глубина любви к людям, ненависти ко всякой фальши и лицемерию, искусство бесстрашной правды, глубокого проникновения в действительность.

Как живо, как ярко изображены в пьесе характеры, какое искреннее возмущение шарлатанами, обманщиками всех мастей звучит здесь, какая душевная боль за свой угнетенный, опутанный религиозным дурманом народ, с какой страстной решимостью срывается писатель за счастье людей, за их человеческое достоинство!

Это все очень трогало сердце, было воображение, подкашивало образное решение — потому работа над музыкальным оформлением спектакля шла легко, мне было очень интересно. А дальше я стал перечитывать и все другие, известные мне ранние рассказы и повести, новеллы — и невольно удивлялся той силе, с которой суровое и глубокое слово Джалыла Мамедкулизаде звучит в наши дни. И мне подумалось, что подлинное значение Джалыла Мамедкулизаде еще не понято до конца. Его хорошо знают ученые всего мира. Издаваемый им журнал «Молла Насреддин» был очень популярен во многих странах Востока, в Индии. Однако художественные произведения писателя, его величественные повести и рассказы, как-то не получили достояния широкого распространения среди самых широких масс читателей. Причиной тому — необычайная скромность, застенчивость самого автора, с одной стороны, и уже вовсе неместная наша скромность. Что-то подсказывало: широкое признание этого писателя еще впереди. Ведь в истории литературы сколько угодно случаев, — взять хотя бы Шекспира, Сервантеса, — когда признание приходило (но все же приходило, когда речь идет о настоящем таланте) очень поздно. Так и мне думается, что творчество Джалыла Мамедкулизаде станет известным самым широким образом не только в нашей республике, нашей стране, но и станет достоянием всего человечества. И как я рад, что сейчас так торжественно отмечает наша страна юбилей великого писателя, что вместе с нами празднуют эту знаменательную для азербайджанского народа дату гости, приславшие с разных концов планеты.

Кара КАРАЕВ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии.

Писатель-революционер

Я счастлив, что мне представилась возможность сказать на родине Джалыла Мамедкулизаде слово об этом прекрасном художнике. Это был подлинно революционный писатель, который принес новую струю в азербайджанскую литературу. От феодальной несправедливости, от рабства, от угнетения и социального неравенства — таков путь, который проделала азербайджанская литература благодаря Мирзе Джалылу.

В то время для азиатских писателей было нелегко оценить значение Великого Октября. Но Джалыл Мамедкулизаде сумел понять и принять, глубоко осознал далеко идущие последствия Октябрьской революции, в особенности для народов стран Азии. Он не только воздал должное, понимая эту революцию, но и сделал все, чтобы утвердить в умах и сердцах современников ее идеи. И в это время — великое значение трудов Джалыла Мамедкулизаде.

Крышан ЧАНДР,
писатель (Индия)

МИРЗА ДЖАЛИЛ

МНЕ рассказали, что Джалыла Мамедкулизаде в Азербайджане называют просто «Мирза Джалыл». Когда он издавал свой знаменитый журнал «Молла Насреддин», в редакцию шли потоки писем, в которых читатели и к «Насреддину» обращались попросту: «бядя Молла». Это меня не удивляет. Мирза Джалыл был тысячами связей связан с народом.

Он сделал многое не только для своего азербайджанского народа, но и для всех народов Востока. Он продолжил и углубил традиции реалистической социально-бытовой сатиры, так блистательно заволашеванные Мирзой Фатали Ахундовым, традиций демократичности, народности и прямых связей с торжествами русского реализма.

Когда читаешь Джалыла Мамедкулизаде, вспоминаешь Гоголя и отношение к нему революционеров-демократов — Великого, Чернышевского, Добролюбова. Вспоминаешь определение «натуральной школы», которое в XIX веке было синонимом критического реализма. Чернышевский написал «Очерки гоголевского периода русской литературы». Наверное, можно написать: «Очерки «наседдиновского» периода азербайджанской литературы» — период, наиболее близкого нам в дореволюционное время.

Но Мирза Джалыл жил и работал в полную силу и в советскую эпоху. Он с энтузиазмом встретил революцию, и его талант расцвел и зазеленел по-новому. Молодой советский литератор чувствовал себя сатира нового типа — сатира, берущая силу в утверждении нового строя, беспощадная ко всему старому. Здесь Мирза Джалыл многое мог сделать своими чудесными рассказами и фельетонами — злыми, веселыми, бесконечно изобретательными и остроумными, по духу и по содержанию близкими советскому читателю.

Мирза Джалыл не писал стихов, но мне он близок своей любовью к слову. Он, как поэт, лаконичен и точен, он чувствует прелесть народного языка, — это ощущается даже в переводах. А журнал «Молла Насреддин» являл собою «Фитилю» — ведь это в известном смысле сатирическая хроника своего времени.

Есть еще одна область, где Мирза Джалыл предстает перед нами великим мастером, — это драматургия. Он автор превосходной комедии «Мертвецы», где суровая правда жизни, острота обличения сочетаются с глубокой и сложной психологией персонажей. Образ главного героя комедии — Искандера — человека жалкого, но честного, бескорыстного, но обязательного — создан настоящим, выходящим за пределы драматургии.

Столетие Джалыла Мамедкулизаде — дата, которую с искренним чувством отмечают не только на Востоке, в Баку, но и в России, у нас в Москве. Я рад, что могу сказать об этом сегодня.

С. МИХАЙЛОВ,
секретарь Московского
отделения Союза писателей СССР.

Николай ТИХОНОВ

Слово к большому событию

ПРАЗДНОВАНИЕ столетия со дня рождения выдающегося писателя-классика азербайджанской литературы Джалыла Мамедкулизаде, писателя и под именем Молла Насреддин, — большое событие, потому что Мамедкулизаде — теоретик, оригинальный создатель произведений, создатель блестящей литературной школы боевого социального содержания, охватывающей все стороны жизни и все жанры художественного слова.

Людей сегодняшнего дня должно особо интересовать творчество Джалыла Мамедкулизаде, потому что он задал еще в далеком мире старой, дореволюционной жизни, был живым свидетелем таких картин, которые сегодня кажутся только созданными воображением и воплощенными в кинофильмах в непереработанном виде. А он был среди этих далеких от нас сцен и бытовых драм и, что особо важно, находил краски сатиры и парос верующего в будущее, парос болевшего за народные мучения и страдания. И не только в родной стране, но и в соседних зарубежных краях, где ночь революции была еще темнее и беспросветней.

Трудно представить сегодняшнему молодому читателю, какая эпопея сатиры рождалась в сердце писателя в те далекие времена, когда весь темный мир его окружал, строго следил за его пером и готов был обрушиться на него самые сильные удары, понимая, что слово сатиры бьет сильнее, чем вся хворост реакционеров, пробахныч чиновников, жадных служителей веры, торгашей, презренных спекулянтов, стражей закона, представителей прогнившего социального порядка, новых типичных, нависающих над простыми, бедными людьми.

Мамедкулизаде жил после такого зноя жизни народа, Фрагмент статьи, написанной специально для журнала «Азербайджан».

ВЕЛИКИЙ МАСТЕР

ЧИНТЭ АЙМАТОВ,
лауреат Ленинской премии

Трудно переоценить значение, которое имеет творчество Джалыла Мамедкулизаде для развития современных национальных литератур и в особенности для развития поэзии. Он заложил основы школы реалистической поэзии для творческой литературы. Великий творец, он выступал и как пламенный сатирик, и как прекрасный бытописатель, и как художник-социолог. И везде творчество совершенства. Выдающаяся роль сыграл он и в формировании революционной философской мысли.

Я считаю для себя большой честью присутствовать на юбилей великого азербайджанского писателя.

НА ОСТРИЕ БЕССМЕРТНОГО ПЕРА

В душе людской...

АБУЛГАСАН

Первым делом я стал разглядывать картинки. Между ними и рисунками, которые я видел в «Хоп-хоп-наме», было странное сходство. Молла, деревни, хан, бак, паша, чиновник, чиновник, бедняк как будто были перерисованы из «Хоп-хоп-нама» (или наоборот). Когда, просмотрев один журнал — старый, с пожелтевшими страницами, — я взялся за второй, двоясь нетерпеливо сказала: «Ну, хватит, сынок, хватит: посмотрел картинку — теперь читай, что написано».

До того времени я видел в жизни всего один журнал — «Шола». С «Моллой Насреддином» познакомился впервые. Эти четыре выпуска, присланные вместе с диньями из Мерва, были так зачитаны, что даты выхода можно было рассмотреть с трудом.

Я начал. Прочел заметки о событиях, происшедших в разных городах, о том, как старик женился на маленькой девочке, как из-за того, что девушка убежала с молодым человеком, произошла большая драма, в которой погибли несколько человек, прочел об истязаниях во время магеррама и задумался. Двоясь тоже сидела пригорюнившись. Возникло очень странное чувство: все эти сообщения о хороших знакомых, обычных вещах было почему-то интересно читать, хотя, казалось бы, ничего нового они не открывали... И так же, как и «Хоп-хоп-нама», я приставил к «Молле Насреддину». Вскоре не дожидаясь приглашения, я забрал к соседке читать журнал.

Когда я теперь вспоминаю, как все это было, мне представляются полные особого смысла неясные мальчишеские прозрения. Произошла моя встреча с реализмом в литературе, с неприкрытой, не стилизованной правдой жизни. Я начал понимать красоту и захватывающую увлекательность суровой правды, вернее даже «понимать», а ощущать...

В большом поселке, где было много богатей и священников, никто не выписывал этот журнал. Пришлось попросить в письме сына вдовы прислать новые номера. Пока мы пережи-

вали эти впечатления, из Мерва пришел ответ. В письме, написанном незнакомой мне рукой странствующего торговца, говорилось, что найти этот журнал труднее, чем достать землю с могилы имама или самого пророка. На него подписывается очень мало богатых людей. «Молла Насреддин» нападает на них, поэтому они не хотят его читать. Однажды журнал напечатал письмо одного из таких. В письме было сказано, что, если журнал перестанет оскорблять религию и достойных людей, на него будут подписываться, будут покупать его. Пока до этого еще далеко. А старые журналы попали в посылку только потому, что их прочла уже вся беднота округа.

Прошло полвека. Сегодня, когда вся наша огромная страна с любовью и гордостью отмечает столетие со дня рождения Джалыла Мамедкулизаде, я вспомнил этот маленький эпизод. Он кажется мне красноречивым. «Почтенные» люди не хотели подписываться на крамольный журнал, а в далеком поселке безграмотной вдове были известны и дороги строки двух великих новаторов — Сабира и Джалыла Мамедкулизаде. Читая их вей мальчишеских, ученик 3-го класса сельской школы, и судорожно старался понять, почему его так волнует обыкновенная жизнь, запечатленная в слове.

Этот журнал постепенно, неспешно, но неуклонно, как бомба замедленного действия, подрывал основы тогдашней жизни — гнет, бесчестность, невежество, дикое суеверие. И недаром именно Джалыл Мамедкулизаде по-настоящему открыл крупный талант в азербайджанской литературе поэта нового типа, стоящего, как я думаю, на уровне Низами и Физули.

Дружба Джалыла Мамедкулизаде с Сабиром должна изучаться и служить примером для современных писателей и деятелей искусства. Чудотворную силу этой идейной дружбы мы ясно ощущаем в творчестве обоих. И у меня снова торжмо в сердце, когда я думаю об этом не случайном совпадении — «Хоп-хоп-наме» и «Молла Насреддин» пришли ко мне вместе, один за другим, в доме старой крестьянки...

ЧЕРЕЗ СТРАНЫ И ГРАНИЦЫ

НАСТОЯЩИЙ талант не знает границ — ни географических, ни национальных. Таков был талант Джалыла Мамедкулизаде. Об этом хорошо сказал доктор филологических наук Ш. Курбанов в своем посмертном труде: «Живут в мире два «Моллы Насреддина». Мы не знаем, сколько лет одному из них, и так же трудно определить, с какой из восточных стран он больше связан. Но этот вечный образ мудреца, хотя его имя иногда в разных краях звучит по-разному, одинаково дорог и близок всем народам Востока. А вот второму «Молле Насреддину», как мы знаем, исполнилось сто лет. На первый взгляд — он чисто азербайджанское явление, на самом же деле он по своему своему стилю стал одним из популярнейших людей на Востоке».

Думается, эти слова образно и вместе с тем очень точно выражают значение писателя для нас. Джалыл Мамедкулизаде, завоевавшего поистине мировое признание.

В большом архипелаге азербайджанской литературы Джалыл Мамедкулизаде выстает как одна из ее высочайших вершин. Если в Азербайджане двенадцатый век был ознаменован гением Низами, если шестнадцатый век насильно провозгласил лирическими тонами поэзии Физули, если прошлый век обогащен художественной и философской мыслью Мирзы Фатали Ахундова, то двенадцатый век азербайджанской литературы Джалыл Мамедкулизаде. Подобно своим великим предшественникам, Джалыл Мамедкулизаде основал новую

литературную школу, поклонники и последователи которой пошли не только в родном крае, но и далеко за его пределами.

По признанию известного турецкого ученого Ф. Нерюлюзаде, художественные творения Джалыла Мамедкулизаде служили не только своему народу, — они стали достоянием Востока и Запада, прочно вошли в золотой фонд общечеловеческой культуры.

Видный английский ориенталист Эдуард Браун в своей monumentalной работе об истории печати Ирана еще в 1914 году писал: «Значение журнала, издаваемого Джалылом Мамедкулизаде в Тифлисе на турецком языке, настолько велико, что его трудно переоценить». Французский журнал «Ревю монде Мусульман», оценивая сатиру азербайджанского писателя, ставит его журнал на уровень лучших западных изданий. Приведем свидетельство французского востоковеда А. Беннигсена. В одном из своих исследований, говоря о Джалыле Мамедкулизаде, он определяет место его журнала рядом с боевыми печатными органами времен Великой французской революции.

Характерно, что английский журнал «Централизованное обозрение» считает, что в иранской революции 1905—1911 годов Джалыл Мамедкулизаде и его журнал сыграли громадную роль. Эта мысль получила свое образное подтверждение. В вышедшем недавно в Тегеране к 100-летию иранской революции есть специальный раздел, посвященный Джалылу Мамедкулизаде.

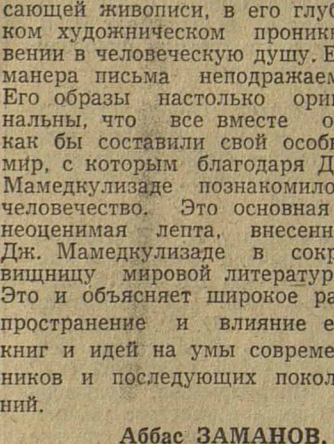
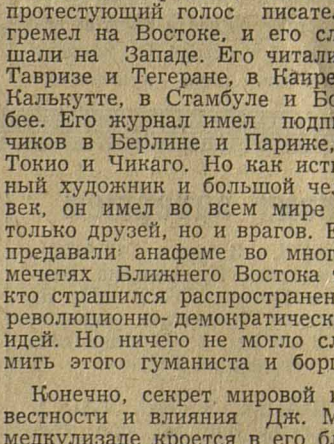
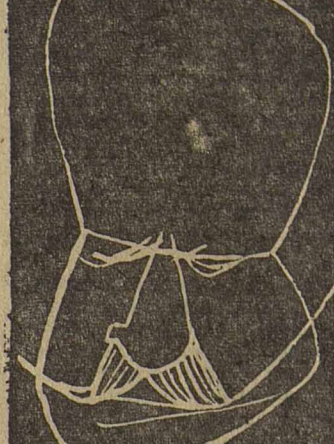
Мощный отзвук творений Джалыла Мамедкулизаде отдавался по всему миру. По его примеру в Иране начали издаваться такие демократические издания, как «Насими-Шимал» («Северный ветер»), «Азербайджан». В Турции возник сатирический журнал «Нах-нах» («Хохот»). «Мертвецы» Джалыла Мамедкулизаде ставились во многих театрах восточных областей царской России — в Казани, Оренбурге, Ташкенте. Здесь выросли младшие братья «Моллы Насреддина» — периодические сатирические издания.

Из трудов профессора М. Гайнуллина мы узнаем, что Джалыл Мамедкулизаде дал путевку в жизнь татарской сатире: великий татарский поэт Габдулла Тукай стал издавать свой журнал «Уклар», воспринимая у «Моллы Насреддина» манеру современного сатирического письма.

Чем объяснить такой широкий диапазон художественных созданий писателя, его публицистической деятельности? Прежде всего тем, что творчество Джалыла Мамедкулизаде, будучи глубоко национальным, перепахнуло через национальные рамки: оно как бы вошло в себя все нравственные и художественные проблемы стран Востока, явилось своеобразным камертоном, регистрирующим малейшие колебания и волнения общества. Его публицистика стала своего рода энциклопедией политических страстей Востока и других районов мира.

Боевой журналист Джалыл Мамедкулизаде стал верным союзником революционеров Ирана и Турции, поднял свой голос в защиту национально-освободи-

НА ОСТРИЕ БЕССМЕРТНОГО ПЕРА

Аббас ЗАМАНОВ.